

Твардовский: светотени шестидесятников

Каждая эпоха подобна скульптуре – производит свои характерные персонажи, темы – и всегда в характерном стиле – в каком бы материале она не воплощала свою характерность. Шестидесятые годы прошлого века породили феномен известного поколения, сыгравшего столь важную роль в истории советской, перестроечно переходящей в эпоху постсоветскую. Исток и символ шестидесятых – Никита Сергеевич Хрущев, а надгробный памятник ему Эрнста Неизвестного – лучшая его концептуальная метафора.

В этом плане многие фактурные деятели, духовно сформировавшиеся в это время и представляют собой людей некоего одного типажа, что и позволило ввести обозначение "шестидесятники". Каковы признаки подобного типажа? Вероятно, объединяет их то, что все они пережили радикальную мировоззренческо-нравственную метаморфозу, тягостное пробуждение из дремотной летаргии сталинской индоктринации. Отсюда общее неизбывное чувство виновности, родственное более раннему народническому комплексу "долга перед народом". Это цельные натуры с сильными страстями, решительные, стойкие и последовательные – в следовании своим вновь обретенным, уже самостоятельно – в условиях кратковременной свободы, дарованной партийным царем – идеалам. Они были виртуозами компромисса, ориентированные на улучшение тех сторон советской действительности, которые можно было бы изменить.

Наряду с подобным светом, в их натуре продолжают пребывать следы той инфекции, которой они оказались поражены с малолетства в условиях режима тотальной промывки мозгов – они натуры, склонные к авторитарности, мессианству, нетерпимости к альтернативным мнениям. Новые идеологические платформы, на которые они постепенно, явно или неявно, переходили, превращались в столь же нерушимые и бесспорные истины, как и ранее "вечно живое марксистско-ленинское учение".

Особенно явственны подобные светотени в фигурах больших творческих личностей, которые достигали и внушительных административных постов в ведомствах советской культуры. Удивительно типологически схожи в этом плане личностно столь разные К. Симонов, Ю. Любимов, А. Твардовский и др.

Современники, близко знавшие Твардовского, отмечали цельность его характера, честность и прямоту. Соответственно, как и многие, изначально он был настроен искренне верноподданнически. И трудно его винить за это. Социальный лифт, устроенный Советской властью вознес

сына крестьянина со смоленского хутора до положения выдающегося поэта, лауреата многих премий, редактора культового журнала и одного из влиятельных фигур в государстве. Он был уверен: то гигантское развитие, которое получила Россия в качестве СССР, было бы невозможным в иных исторических условиях. Вся суть критической рефлексии Твардовского по поводу советской эпохи сводилась в итоге к двум вопросам: о непомерно высокой цене ее завоеваний – цене, многократно и преступно превышенной Сталиным, и о необходимости отказа от омертвевших догматов идеологии. Но в самом строе новой жизни он видел неисчерпаемые возможности саморазвития – возможности, которые открывала только последовательная демократизация. Это и определило главные направления его мысли: в политическом плане – в сторону социал-демократических идей, а в плане тактики – в сторону разумного компромисса с действующей властью и отсечением любых крайностей, подрывающих движение по этому пути. И это давало свои плоды – всю эпоху Хрущева он – в фаворе, до прихода Л.И. Брежнева, который представлял собой уже совершенно иной типаж, по принципу социального мимезиса сменивший и генерацию бюрократии и служилой интеллигенции. Потому-то так неуютно стало и К. Симонову, и А. Твардовскому в обществе "дорогого Леонида Ильича".

На Западе, кстати, было распространено устойчивое мнение о Твардовском как о "либеральном коммунисте", которое потом будет спроецировано и на всю генерацию государственной интеллигенции, ведущей свое духовное родство из шестидесятых. Их кредо, особенно в изменившихся, ставших более подлыми обстоятельствах формирующегося режима застоя: "Держаться, пока не уберут силой".

Твардовский наиболее известен, помимо несомненных поэтических заслуг, своей без преувеличения культуртрегерской деятельностью на посту редактора, ставшего именно благодаря ему легендарным, "Нового мира". Через битвы с цензурой и бесчисленное число боестолкновений в коридорах власти, он – посредством публикации на страницах журнала новых ярких талантов (В. Гроссман, В. Войнович, Л. Копелев, В. Некрасов, Ю. Домбровский, В. Дудинцев и др.) и переводов современной западной литературы – сформировал ту полулиберальную-полусоциалдемократическую духовную среду обеих столиц, в которой затем выросли все позднейшие деятели позднесоветской и постсоветской эпохи, которые и в конце концов все же изменили страну.

Одна из главных страниц той культуртрегерской деятельности – публикация повести А. И. Солженицына "Один день Ивана Денисовича". Долгое время Твардовский был покровителем и литературным импресарио Солженицына. Последний потом, уже за границей признавался, что Твардовский любил его от чистого сердца, – бескорыстно, но тиранически: как любит скульптор свое изделие, а то и как сюзерен своего луч-

шего вассала. На самом же деле, "роман" Твардовского с Солженицыным длился недолго. Уже после истории с "Кругом первым" Твардовский пришел к выводу, что Солженицын – "скрытый самодум", стремящийся куда-то "удрать". Он вынужден был публично признать, что ему не нравится склонность Солженицына к "саморекламе", отмечая в своем дневнике, что открытость и теплота человеческих отношений – не удел Солженицына, намекая на общеизвестные актерство и неискренность своего визави. В итоге он отмечает, в гоголевском стиле: "Мы его породили, а он нас убил" (Кондратович А. Новомирский дневник. М. 1990, с. 450).

Тем не менее, именно Твардовский реально сделал то, что Хрущев лишь декларировал: начал действительную духовную десталинизацию. Тема страшная, бросить нельзя, – писал он, – все равно, что жить в комнате, где под полом труп члена семьи зарыт, а мы решили не говорить об этом и жить хорошо, и больше не убивать членов семьи" (Твардовский А. Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989, № 7.) Такое обостренное чувство объяснимо и социологически, и лично.

О первом, культурном феномене "встречи двух России" – той, что "сажала" и той, которую "посадили", говорила еще А. Ахматова, комментируя события вокруг "Нового мира". Очевидно, что Твардовским двигала присущая ему в высшей мере нравственная чуткость – ощущение глубокой безотчетной вины не только перед теми, "кто не пришел с войны", как он писал в своем известном стихотворении, но и перед теми, "кого посадили". К тому же он, поклонявшийся Сталину в молодости, объективно принадлежал к тем, кто "сажал".

Однако был и глубокий личностный мотив. Как вспоминал отец поэта, которого сослали вместе с младшим сыном – братом Александра Твардовского. Они бежали из ссылки, добрались до Смоленска и нашли Александра. Он вышел к ним, стоит и смотрит на них молча. А потом не "Здравствуй, отец," а – "Как вы здесь оказались?!" - "Шура! Сын мой!" – говорит отец. - "Гибель же нам там! Голод, болезни, произвол полный!" - "Значит, бежали?" - спрашивает он вновь отрывисто, как бы не своим голосом, и взгляд его, так буквально отца к земле прижал. "Помочь могу только в том, чтобы бесплатно доставить вас туда, где были!" - так он потом сказал.

Потому-то и изображен Хрущев Эрнстом Неизвестным в коллаже блоков черного и белого цветов – символов, вместе и составляющих экзистенциальную полноту любой жизни, но столь рельефно и контрастно – пожалуй лишь для того необычного поколения.